

Мария Фомальгаут
Половина полуночи



Мария Фомальгаут
Половина полуночи

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Половина полуночи / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749706-4

Вечером поздним
Слушаю тишину,
Шагаю по мирам
В халате
и тапочках,
Вешаю звезды,
Зажигаю луну,
Небосвод протираю
Шелковой
тряпочкой...

ISBN 978-5-44-749706-4

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Дерево, которое не дерево	6
На пианино не играть	14
Типовые замки	18
Покажите мне мечту	19
Граница без границ	23
Гардеробщик во сне	28
Непролитая книга	32
Редкий экземпляр	35
Переводчик с треугольного	40
Лабиринт без зеркал	44
Замкобургский чертог	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Половина полуночи

Мария Фомальгаут

*В произведении «Шестой сюжет» использованы фрагменты пьесы
У. Шекспира «Гамлет, принц датский» в переводе М. Лозинского.*

© Мария Фомальгаут, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дерево, которое не дерево

Смотрю на объект. Если это можно назвать объектом.

Говорю, как учили.

– Объект... готов к исследованию.

Шеф смеется, смотрит на меня с презрением:

– Вы так думаете?

– Ну... гхм... да.

– А если подумать?

Понимаю, что подкалывает. Говорю с нажимом:

– Да.

– Ну что же... приступайте.

Приступаю. Подхожу к объекту, оглядываю со всех сторон, довольно киваю сам себе – дерево. То есть, конечно, не привычное дерево, мягкое, пульсирующее, с золотистыми прожилками, а дерево твердое, не наше, не местное.

– Что скажете?

Это шеф.

– М-м-м... дерево.

– Да неужели?

– Оно самое.

– Вот как? Ничего необычного не замечаете?

Оглядываю дерево, осторожно спрашиваю:

– Потрогать можно?

– Ну, потрогайте. Авось не укусит.

Трогаю. Не кусает. Понимаю, что с листьями что-то не так, очень и очень не так, первый раз вижу такие тонкие листья, что-то здесь не так...

– Дерево? – насмешливо спрашивает шеф.

– М-м-м-м... не знаю.

– А кто знает?

Сжимаю зубы, будь что будет.

– Дерево.

– А это у него что?

– Колючки.

– Вот как? Колючки?

– Ну... как у кактуса.

– Надо же, кактус знаем... И зачем дереву колючки?

– Ну... чтобы не ел никто дерево.

– Верно. А листья где?

– Опали...

– А следы от опавших листьев на ветках есть?

Смотрю. Не вижу.

– Нет. Значит... значит, нет листьев у дерева.

Мысленно бью себя по голове, провалил, провалил собеседование, гори оно все синим пламенем.

– Молодец, догадались... Вот вы вроде парень умный, а невнимательный, элементарных вещей не видите... Так что лучше смотрите.

Киваю. Смотрю лучше.

– Ничего не замечаете?

Хочу спросить, а что я должен замечать. Не спрашиваю. Уже хочу ответить – нет, когда понимаю:

- Оно... неживое.
 - Как это неживое?
 - Так...
 - Как это дерево может быть неживое?
 - Ну... оказывается, может.
 - И какое же оно?
 - Искусственное.
 - А зачем оно... искусственное?
 - Ну... может, настоящие вырубали уже...
 - То есть, думаете, находка относится к периоду, когда живых деревьев уже не осталось?
 - Похоже на то.
 - А радиоуглеродный анализ что говорит?
- Смотрю. Анализирую.
- Говорит, что гораздо раньше дерево появилось.
 - Тогда зачем искусственное сделали?
 - М-м-м... не знаю.
 - А кто знает?

Не выдерживаю:

- Вы.
- Нет, и я не знаю. И никто не знает. Так-то...
- Бессмыслица какая-то... стойте, а если для каких-то культов сделано?

Шеф настораживается.

- Почему для культов?
- Ну, там, где бессмыслица, там точно для культа.
- Тоже верно... молодец, соображаете.

Окрылённый похвалой, смотрю дальше.

- М-м-м... на дереве плоды.
- Плоды?
- Ну.

Подхватываю один плод, круглый, красный, не удерживаю, плод падает к моим ногам...
...разбивается.

Вздрагиваю. Не подаю вида.

- Скорлупа хрупкая...
- Скорлупа?
- Ну...
- А мякоть где?

Смотрю на осколки, ищу мякоть, мякоти нет.

- Э-э... высохла.
- Думаете, высохла в скорлупе мякоть?

Чувствую подвох в голосе шефа, уже учусь чувствовать подвох, это хорошо, значит, срабатываемся. Осторожно смотрю еще один плод на дереве, что-то с ним не так, что-то, что-то...

- Это не плоды.
- А что же?
- Ну... видите, они на железный крючок к дереву подвешены.
- Кто они?
- М-м-м... сосуды стеклянные. Пустые...
- И для чего же они там? Пустые?

- Ну... для культов каких-нибудь...
- А вы можете сказать мне, в чем заключался этот культ?
- М-м... не знаю. Думать надо.
- А я вас зачем на работу беру?
- Думать.
- Вот и думайте.
- Вот и подумаю... Это же не сразу придумывается...
- Верно.

Осматриваю дерево. Вижу, что это еще не все, что шеф ждет от меня чего-то, значит, нужно смотреть дерево дальше.

- Здесь пергамент.
- Что вы говорите?
- Пергамент.
- И что же на нем написано? Или ничего не написано, пустые ёмкости, пустой пергамент...

Смотрю. Нет, пергамент не пустой, испещренный знаками, понять бы еще эти знаки...

Шеф смотрит на меня, посмеивается:

- Ну? И какой это язык?
- М-м-м... иностранный.
- Да вы что.
- Вглядываюсь.
- Кириллица.
- Она, родимая.
- Добро, Он, Рцы, Он, Глаголь, Он...
- Так и будем по буквам читать?
- М-м-м... до-ро-гой де-душ-ка...
- Дедушка, это что?
- Это... родитель... нет, вру, родитель родителя...
- Очень хорошо.
- Де-душ-ка-мо-роз...
- А это что?
- Это... холод...
- И почему он отца своего отца называет холодом?
- Ну... Бывало время... людям прозвища давали... Ну там Иван Лопата или Викентий

Упырь, или... не знаю...

- Думаете, прозвище?
- Оно самое.
- А век какой?
- Гхм... девятнадцатый...
- И что, в девятнадцатом веке людям клички давали?
- М-м-м... нет.
- Тогда почему Мороз?
- Ляпаю наобум.
- Культ...
- Культ деда Мороза?
- Ну...
- И кто это?
- Божество какое-то...
- И для чего это божество?

- Ну... молились ему... просили всякое...
- Друг мой, вы это сейчас сами придумываете или правда догадались?
- М-м-м-м... и так, и так.
- Молодец, люблю честных. Ну и что же они там своему деду Морозу пишут?
- М-м-м... дорогой дедушка Мороз... принеси нам пожалуйста... деревянную лошадку.

И имбирный пряник.

- И что же такое имбирный пряник?
- М-м-м... Не знаю. Хорошее что-то.
- Логично, если просят принести, значит, хорошее что-то. И что же?
- Игрушка какая-нибудь...
- Верно, коллега, по официальным данным это игрушка. А лошадка?
- Ну, это и подавно игрушка. Дети с детства учатся быть всадниками... воинами...
- Верно. Ну... читайте дальше.

– А тут больше нет ничего.

– Ну... а другие листочки?

Срываю еще один листок.

– Дорогой дедушка Мороз, принеси мне, пожалуйста, пару башмаков... Это обувь такая, на ноги надевали, чтобы ходить не больно.

– Чтобы не холодно ходить, а не больно! Вы попробуйте по снегу пройдитесь, вот и поймете тогда...

Отрываю новый листок.

– Дорогой дедушка Мороз, принеси мне, пожалуйста, азбуку, я очень хочу научиться читать и писать...

– И как же он читает и пишет, если читать-писать не умеет?

– Ну... диктует кому-нибудь.

– Тоже правильно.

Поднимаюсь на ветку повыше, отрываю листок.

– Дорогой дедушка Мороз... подари мне пожалуйста пару коньков...

– Это что?

– Это кони такие... маленькие.

– Кони? Маленькие кони вроде пони называются.

– М-м-м-м... а нет, это на крыше такие украшения.

– А сколько лет писавшему, не посмотрели?

– М-м-м... семь.

– Это какой возраст-то?

– Детский.

– Ребенок просит подарить ему украшения на крышу?

– Ну... а что тут такого?

– Эх, плохо вы детей знаете...

– А, это и есть лошадки деревянные... коньки.

– Правильно. Молодец, догадались... Вроде хорошо соображаете, только ленитесь...

Поднимаюсь на ветку еще выше. Отрываю листок.

– Дорогой дедушка Мороз... подари мне велосипед...

– А это что такое?

– М-м-м-м... Вело, вело...

– Не знаете?

– Не знаю.

– Ну так знайте... На двух колесах ездили. Вот, смотрите, экспонат номер двести двадцать... Два колеса, а на них ездят...

- А как же на двух колесах, неудобно же...
- Думаете?
- Ну, конечно... может, их там три или четыре было... Остальные не сохранились просто?
- А вы молодец, соображаете... премию вам за это надо.
- Шеф дает мне премию. Окрыленный, отрываю следующий листок.
- Дорогой дедушка Мороз... Таня говорит, что тебя не существует, а мама говорит, что ты есть... Ответь мне пожалуйста, ты есть, или тебя нет... Любопытно...
- Что любопытно?
- Ересь... Ну да, двадцатый век, уже начинается ересь... люди сомневаются в своих божествах...
- Верно.
- Интересно, девчонке этой что-нибудь потом было... за ересь?
- Не знаю, не знаю... Тут кстати есть экспонаты... вот... сожженные на костре... Может, и ваша Таня там... Наша Таня громко плачет... это тоже про неё, наверное. Давайте дальше.
- Поднимаюсь на ветку еще выше. Здесь пергамент выглядит чуть поновее, значит, не так уж много времени прошло...
- Дорогой дед Мороз... Подари мне пожалуйста кассетный магнитофон... пацаны умрут от зависти... Зачем он хочет, чтобы пацаны умерли?
- А вы, друг мой, можно подумать, врагам своим никогда зла не желали. Вон там сколько претендентов на ту же должность, вы им чего хотите?
- Ну... чтобы они другую должность себе нашли. А эту мне оставили.
- Ну-ну... врем, значит?
- Чего врем, я правда по жизни такой... зла никому не желаю... В детстве у меня кто чего отберет, и отец меня толкает, дай ты ему по морде, а я не могу... думаю, пусть играет, жалко, что ли...
- Интересно, интересно... Ну давайте дальше...
- Поднимаюсь на ветку повыше. Читаю. Понимаю, что этого я не пойму.
- Все-таки обреченно произношу:
- Дорогой дедушка Мороз... подари мне пожалуйста... ай... айпэд...
- И что это такое?
- Игрушка какая-нибудь...
- Ой ли?
- Ну... культовое что-нибудь.
- Что?
- Понимаю, что не видать мне должности, как своих ушей.
- Не знаю. Думать надо.
- Так думайте.
- Так подумаю, – подхватываю еще один листок, – дорогой дедушка Мороз, почему ты мне не подарил айфон, я больше в тебя не верю...
- Думаете, его тоже... за ересь?
- Думаю, нет. Все-таки прогрессивное время. Что вы хотите, культы отмирают...
- Верно. Давайте дальше.
- Поднимаюсь на ветку выше, отрываю листок.
- Дорогой дедушка Мороз... сделай так, чтобы не было войны.
- Это что?
- Ну... неприятное что-то...
- Это понятно, если просит, чтобы не было, значит, неприятное. А что это?
- Ну... обучение какое-нибудь.

- Это схола называется.
 - Ну... еда какая-нибудь...
 - Какая еда?
 - Невкусная.
 - А вот посмотрите, еще записка, чтобы войны не было... еще... это что, всех детей одно и то же есть заставляли?
 - Может быть.
 - А вот это письмо посмотрите...
 - То же самое... чтобы не было войны...
 - Ничего не замечаете?
 - Н-ничего.
 - Сколько лет было тому, кто писал?
- Смотрю на отпечатки мертвых клеток на пергаменте.
- М-м-м... тридцать.
 - Это ребенок, по-вашему?
 - Нет.
 - То-то же... взрослого-то не заставишь всякую дрянь жрать... он сам выберет, какую дрянь ему жрать...
- Молчу.
- Так что же это?
 - М-м-м-м... болезнь какая-нибудь.
 - Думаете, эпидемия?
 - Похоже на то... Да и вот, смотрите, тут только что бумажек до фига было, и опять почти нет... Как будто люди вымерли все.
- Отрываю листок.
- Дорогой дедушка Мороз, пожалуйста, принеси нам хлеба... – вспоминаю, – это я знаю, это еда такая.
 - Что думаете по этому поводу?
 - М-м-м... не знаю, – поднимаюсь на пару веток выше, – Дорогой дедушка Мороз... подари мне, пожалуйста, деревянную лошадку...
- Шеф усмехается.
- Ничего не замечаете?
 - Это было уже.
 - Было?
 - Ну да... а вот... подари мне пару башмаков... подари мне коньки...
 - Что думаете по этому поводу?
- Ничего не думаю. Много что думаю. Лезу по веткам вверх, вверх, и снова – деревянную лошадку, башмаки, коньки, велосипед, кассетный магнитофон, телевизор, игровую приставку, комп (компот, что ли?), айпад... и снова, чтобынебыловыйны, подари нам хлеба, деревянную лошадку, башмаки, коньки, велосипед, кассетный магнитофон, телевизор, игровую приставку, комп (компот, что ли?), айпад... и снова, чтобынебыловыйны, подари нам хлеба, деревянную лошадку, башмаки, коньки, велосипед, кассетный магнитофон, телевизор, игровую приставку, комп (компот, что ли?), айпад... и снова, чтобынебыловыйны, подари нам хлеба, деревянную лошадку, башмаки, коньки, велосипед, кассетный магнитофон, телевизор, игровую приставку, комп (компот, что ли?), айпад...
- Что скажете?
 - Я понял, что такое война.
 - И что же?
 - Петля времени. Видите, они из неё выбраться не могут...

– Думаете?

– Ну...

– А если подумать?

Понимаю, что неправ. Если говорит про подумать, значит, сказал что-то не то.

– А как проверить версию вашу? – спрашивает шеф.

– Гхм... думать надо.

– Так думайте.

– Ну... это время надо, чтобы думать.

– Чтобы думать, голову надо, а не время. Сейчас думайте.

– А если одинаковые вещи на дереве найти? Которые повторяются?

– Ищите.

Ищу. Не нахожу.

– Это все-таки петля времени. Но какая-то странная петля.

Да, прямо-таки очень... Ну что, друг мой, слабовато... на троечку. Так что сообразительность свою прокачайте, а то куда мне такого работника... Документы с собой?

Неуверенно киваю.

– С... собой.

– А свидетельство о смерти где?

Мне кажется, я ослышался.

– Так я же не умер еще.

– Ну, вы как вчера родились, ей-богу.

Киваю.

– Вчера.

– Ну, вижу, вам в память много чего забить забыли...

– Что вы хотите, везде брак гонят.

Шеф смеется.

– Вот за что молодежь люблю, вот за это, вчера родился, а уже туда же, ругаться, то не так ему, это не эдак. Завтра чтобы свидетельство о смерти было без даты. А то как я вас на работу брать должен?

Спохватываюсь.

– Я передумал.

– А?

– Передумал я.

– Зарплата не устраивает?

– Да нет.

– А что тогда?

– Да... ничего... просто... всего хорошего.

Еще раз оглядываю себя, вроде похож.

Перевожу дух.

Голову сжимают невидимые тиски, так всегда бывает, когда идешь назад по времени.

Стучу в дверь. Так у них полагается, стучать в дверь.

Дверь открывается, отступаю назад. Почему-то я представлял их себе другими, крупнее, сильнее, больше...

Говорю:

– Здравствуйте. Я дедушка Мороз...

Короткая пауза, вижу сбивчивые мысли, кто-то из детей хочет кинуться ко мне, кто-то испуганно жметя к родителям, кто-то из больших подбирает слова благодарности, кто-то хочет сказать, что не вызывали, кто-то думает, сколько мне заплатить...

Продолжаю:

– Я пришел сделать... чтобы не было войны...

На пианино не играть

– На пианино не играть.

– А?

– На пианино не играть, говорю, – повторяет человек за стойкой, – что, читать не умеете?

Смотрю на пианино, на табличку «На пианино не играть», ну-ну...

– Очень мне ваше пианино нужно, сто лет бы не видел, мне в музыкалке этим пианино всю кровь выпили...

Человек за стойкой вздрагивает.

– Ну, всю, это вы преувеличиваете... живы же остались.

– Вроде жив.

– Ну, ужинать-то будете?

– Не откажусь.

Устраиваюсь за столом, хозяин таверны несет мне жареного курчонка с картошкой, начинаю захлебываться слюной.

– Вы уж извините, что я про пианино так... достали просто, каждый, кто зайдет, так и норовит по клавишам ударить, моцарты хреновы... медведь на оба уха наступил и не слезает, а туда же...

Сочувственно киваю. Ничего, нормальный хозяин в таверне оказался, да они тут все нормальные оказались, жить можно. Здесь. На краю земли. Напрасно я себе накручивал, что останутся от меня только рожки и ножки, да это не я накручивал, это мамаша накручивала, а-а-а, не пушу, не пушу, ну нет, голуба, еще не хватало за твою юбку до конца дней держаться.

Ем.

Жадно впиваюсь в курчонка.

Уютная таверна на краю земли, огоньки фонариков, метель за окнами, пианино в углу, украшенное надписью «На пианино не играть»...

– Вечер добрый.

Оборачиваюсь. Никого нет, померещилось. Правильно, на работе выматываюсь, уже не пойми что чудится. А как вы хотели, здесь на краю земли работа адова, это только со стороны кажется, сиди себе на краешке да лови звезды удочкой, ножки свесив, а посиди-ка ты весь день, походи-ка по краю земли, попроверь сети, свихнешься...

Устраиваюсь за столом, жду хозяина, из кухни уже веет чем-то рыбным, жареным, манящим.

– Поиграйте со мной... пожалуйста.

– А?

– Поиграйте со мной.

Снова оборачиваюсь. Никакой ошибки быть не может. Говорит пианино.

– Поиграйте...

Мотаю головой.

– Нельзя. Мне хозяин сказал...

Пианино коротко всхлипывает.

– Почему, почему со мной никто не играет? Что я вам сделало?

Чувствую, что краснею.

– Нельзя... хозяин не ве...

Дверь кухни открывается, выходит хозяин, несет что-то рыбное, ароматное...

– А почему на пианино играть нельзя?

– А?

– А почему на пианино играть не разрешаете?

Хозяин взрывается.

– Да задолбали уже, всё бы им пианино, заняться, что ли, больше нечем? У меня тут пианин на всех не напасешься, это-то еле достал!

Киваю. Не напасешься, так не напасешься. Ладно, со своим уставом в чужой монастырь не лезут.

– А вы последний день сегодня?

– Да, знаете ли...

– Уезжаете?

– Ну...

Отвечаю, и как-то не по себе мне становится, что уезжаю из этих мест. С края земли. Где с края земли бросают в бездну сети и ловят звезды.

Хозяин подливает масла в огонь:

– А работать-то кто будет, если все разъедутся?

– Ну... может, вернусь как-нибудь...

– Все вы так говорите... а потом...

Сжимаю зубы. Хозяин меняет гнев на милость.

– Правильно, чего тут всю жизнь торчать... я вот тоже, по молодости меня сюда черт занес, потом думал, денег поднакоплю, выберусь...

С трудом сдерживаю улыбку, хозяин все-таки замечает.

– Вот-вот, мне тоже смешно... Так что правильно, поезжайте... Хоть мир увидите... а не то, что тут... на краю земли... Да что ты бушь делать, у меня тут чего, на пианино медом намазано, что ли?

Хозяин срывается на крик, забежавшие в таверну мальчишки отскакивают от пианино, мчатся прочь на улицу, в ветер, в звезды, думаю, как бы не свалились за край земли, да не свалятся, здешние мальчишки с детства приучены по краю земли ходить...

Хозяин заговорщически смотрит на меня.

– А то, может... по маленькой? На посошок?

Ёкает сердце.

– Не откажусь.

– Отлично... я тогда в погреб спущусь, у меня там винишко...

Хозяин уходит.

Жду.

Ветер завывает на улице, рвет с неба звезды, много их нападает в сети, прямо начинаю жалеть, что уезжаю...

– Почему со мной никто не играет?

Вздрагиваю. Пианино... ну да, пианино...

– Хозяин не велит.

– Почему он меня не отпускает?

– Ну... не знаю... это уж вы с хозяином разбирайтесь...

– Поиграйте со мной... пожалуйста...

Пианино мелодично всхлипывает.

Смотрю на дверь погреба.

Осторожно откидываю крышку пианино.

Трогаю клавишу, инструмент отзывается нежным звучанием. Перебираю клавиши, играю по памяти «Лунную сонату», нот здесь нет, хозяин убрал ноты, чтобы не играл никто...

Мелодия растет, ширится, распускается цветком, поднимается ввысь, в ледяной звездопад. Пианино вздрагивает, будто оживает под моей рукой, будто бы тает...

Будто бы?

Нет, тает под моими руками, плавится, растекается по полу холодной луже, которая тоже в свою очередь тает...

Оборачиваюсь.

Хозяин оторопело смотрит на меня, протирает глаза.

– Вы... вы...

– А как это оно так?

– А так это оно так, мать вашу! Кому говорил, на пианино не играть, пианино-то не вечное, пианино-то все в музыку уходит! Его уже изыграли все, сначала в театре, потом в школе музыкальной...

Спрашиваю как можно спокойнее:

– Сколько я вам должен?

– Чего должен, где ж я теперь пианино-то возьму?

– Куплю. Куплю я вам пианино... вам же и такое... заигранное можно?

– Купит он... раньше надо было думать, сказано – не играть, значит, не играть, как теперь без пианино-то?

Хочу спросить, зачем в таверне нужно пианино. Не спрашиваю, если нуэно, значит, нужно, мало ли...

Сажусь в машину, думаю, где взять пианино, да так, чтобы не совсем разориться, можно объявления посмотреть, продам пианино, недорого, в какой-нибудь семье, где замучили уже детей этим пианино, они уже и не знают, как от него избавиться...

Дорога неожиданно виляет влево, влево, влево, выворачиваю руль, поздно, поздно, машина вылетает за край земли, мир кувырывается в бездну...

– Живы?

– А?

– Живы?

– Живой, моргает...

Пробую встать. Не могу. Мир возвращается, медленно, нехотя, вижу хозяина таверны и еще одного ловца звезд, наклонились надо мной, переживают...

– Лежите, лежите, сейчас, исправим все...

Только сейчас понимаю, что со мной что-то не так, очень и очень не так, да что – что-то, нате вам, получите-распишитесь, грудная клетка разворочена вся, снег влажный и темный от крови...

Все-таки приподнимаюсь, поворачиваю голову, смотрю на что-то лежащее в снегу, на что-то клавишное, струнное, изогнутое в какую-то немислимую лиру...

– А это еще что?

– Сердце ваше, что... сейчас... исправим все... – хлопчет хозяин таверны.

Звездолов фыркает.

– Ты чего, врач, что ли?

– Да знаешь, три года фельдшером был.

– А ушел чего?

– Так в таверне больше заработаешь...

Переругиваются. Хозяин таверны подбирает мое сердце, прикидывает, как бы половчее вставить на место, вижу надпись на сердце – не играть.

Здесь бы сказать – ёкнуло сердце, только нечему здесь екать, сердце-то выпало...

– А у меня что, сердце... тоже изыграли всё?

– А то вы не знали? Ну как вчера родились, чесслово, конечно, отыграли нас давно всех...

Сюда неотыгранных и не берут... – добавляет звездолов.

– Куда сюда?

На землю, куда... там уже всё отыграли, – звездолов кивает в сторону края земли.

Вспоминаю.

Пианино...

Хозяин таверны хлопает меня по плечу.

Да какое к хренам свинячьим пианино, да забейте вы на пианино это, это ж я так... вы ж меня знаете, характер у меня тот еще... поору и успокоюсь... и без пианино как-нибудь... есть же таверны без пианино, так ведь?

Не отвечаю, голова падает на снег, боль прижимает меня к земле.

Выхожу из дома. Хватаюсь за угол, чтобы не унесло ветром.

Не уносит.

Думаю, что надо бы выбираться с края земли, вспоминать, куда я хотел поехать, когда хотел.

Выбираться...

Отцепляюсь от дома, иду под порывами ветра к самому краю земли, отсюда виден мировой океан и исполинская спина одного из трех китов.

Иду у краю земли, к еще не упавшим звездам.

Обнажаю грудь.

Говорю кому-то там, в темноте:

– Поиграйте на мне... пожалуйста.

Типовые замки

- А ты ничего не заметил?
Смотрю на попутчика. Вежливо смотрю. Понимаю, поговорить ему хочется, не сразу дойдет до него, что устал я как черт...
- А чего заметить надо было?
– А то... замки мы смотрели...
Киваю.
– Смотрели.
Под Парижем, как его там...
– Амбауз.
– Во-во... потом этот... Левенбург... Это в Германии уже...
– Было дело...
– Потом этот... сюр... сыр...
– Сюлли-сюр-Луар.
– А ты заметил... что они одинаковые все?
– Ну, конечно. По типовому проекту построены...
– А как они могут быть по типовому проекту? Ты сам подумай, их в каком веке строили?
– Ну... давно дело было...
– Давно? То-то же... ничего, что они друг про друга не знали ничего? Как они по типовому стандарту замки могли построить?
– Не... не могли.
– Верно.
– Тогда... тогда как?
– Как... вот так... значит, замки эти кто-то уже совсем недавно построил...
– Кто?
Попутчик не отвечает, будто не замечает меня.
– ...когда те замки снесли...
Вздрагиваю:
– Кто? Кто снес-то?
– Тише ты... кто... вот и надо думать... кто...
Молчим.
Покачивается автобус на поворотах.

Покажите мне мечту

– Покажите мне свою мечту.

– А?

Он поворачивается ко мне, говорит чётко, с расстановкой:

– Покажите. Мне. Свою. Мечту.

– А вы...

Хочу спросить, что ему нужно, кто он такой вообще, из полиции, или что похуже. Хотя нет, полиция, вроде, мечтами не интересуется. Или кто её знает. Или...

Он повторяет:

– Покажите.

– Но... почему?

– Я же вижу, вы человек интересный, так у вас и мечта должна быть... интересная.

Бледнею.

– Ну, знаете, как-то... мечты вроде... чужим не показывают...

– Ну, кто мечты прячет, у того они и не сбываются никогда, а кто сказать ей боится, тому, глядишь, и помогут... мечту воплотить...

– Вы думаете?

– Ну, мне так помогали. Много помогали. А то каждый со своей мечтой в обнимку сидит-сидит, удивляется, что не сбудется никак.

Ёкает сердце. Понимаю, что не могу больше молчать про свою мечту. Действительно не могу.

– А что если в ресторане где-нибудь... встретимся? С мечтой познакомлю...

Он кивает.

– Вот это по-нашему, по деловому... приводите...

– Ты чего?

– Постой... сначала я должен входить... так полагается, кто в ресторане за ужин платит, тот первый заходит.

Захожу первый, подаю руку своей мечте. Входим.

Официант сгибается пополам, бормочет какие-то любезности, ведет меня к столику, пожалуйста, ваш друг уже ждет...

Друг.

Знаю его без году неделю.

Думаю, что ему нужно от моей Мечты.

Моя Мечта смущается, когда видит незнакомого человека, пытаюсь успокоить Мечту, познакомься, это господин Такой-то, я ему дом строил...

Господин Такой-то почтительно целует ручку моей Мечте. Мечта смущенно краснеет. Господин Такой-то поднимает тост за здоровье моей Мечты.

Звон бокалов.

Пьем.

Жду, когда вино ударит в голову, вино в голову не ударяет, не спешит.

Господин Такой-то нахваливает мою Мечту, что за мечта, всем мечтам мечта, это ж надо же выдумать – поехать в Атлантиду! Мы-то тут на месте сидим, не видим ничего, а вы вот как, в Атлантиду...

Смущенно улыбаюсь. На душе теплеет, сколько прятал свою мечту, сколько стеснялся, а зря, оказывается, стеснялся, мечта как мечта, есть и мечтее...

Господин Такой-то приглашает мою Мечту на танец. Чувствую укол ревности. Снова думаю, что ему нужно от моей Мечты, чего ради он вообще к моей Мечте прицепился. А что, бывают такие, у которых своей мечты нет, вот они чужие мечты и уводят...

Возвращаются.

Садятся за столик.

Моя Мечта пытается отшутиться, чтобы я её не ревновал. Не ревную. Придвигаюсь к господину Такому-то, спрашиваю полупшепотом:

– А вы что моей Мечтой-то... заинтересовались?

– Так мечта у вас, всем мечтам мечта... а давайте её... осуществим.

– Чего?

– Осуществим, чего. Мечта, на неё же не просто так смотреть надо, её осуществить надо... в жизнь воплотить, так сказать....

Смущаюсь.

– Да как воплотить-то...

– Обыкновенно, как. Вот ты мне скажи, ты узнавал, сколько билеты до Атлантиды стоят? Узнавал? Нет? А что так? То-то же... В Интернет зайти, билеты посмотреть не судьба? То-то же...

Из ниоткуда появляется отутюженный человек, то ли официант, то ли кто.

– Прошу прощения... ресторан закрывается...

Господин Такой-то укоризненно смотрит на отутюженного:

– А не до последнего клиента?

Отутюженный человек бормочет какие-то извинения.

Господин Такой-то оживает:

– А поедете ко мне...

– К вам, домой?

– Ну а то... мечты свои покажу...

Едем к господину Такому-то.

Смотреть мечты.

Потоки огней на трассе, справа красные, слева белые.

Сгущается ночь.

Господин Такой-то не устает нахваливать мою мечту, не устает приговаривать, что мы её осуществим, непременно осуществим...

Расступаются ворота перед домом господина Такого-то. Хоть убейте, не помню его имени, я вообще имен заказчиков не запоминаю, стыдно сказать. Вы только заказчикам не говорите, а то не видать мне заказов, как своих ушей.

– Ну вот дом мой... Да что я показываю, ты-то его как облупленный знаешь! – господин смеется, – ты-то тут каждую щелочку выправлял... каждый гвоздичек... работяг своих гонял в хвост и в гриву... Ну да ладно, я мечте твоей покажу, вот вы посмотрите, милая мечта, какой дом ваш человек отгрохал...

Мечта восхищенно ахает. Но с каплей притворства, все-таки она о другом мечтает, мечта моя...

А вот мечты мои... вот, посмотрите, все как на подбор...

Смотрю.

Не верю своим глазам.

Но...

– ...это вот я мечтал по молодости Египет увидеть, это вот дом хотел построить... это вот жениться хотел, не так как сейчас молодые женятся-разбегаются, а на всю жизнь...

Еле выжимаю из себя:

– Но... они мертвы.

– А ты как хотел? Мечты-то осуществились уже, вот и всё... отжили свое, сердечные... Молчу. Здесь нужно что-то сказать, знать бы еще, что.

– Ну, все, давай теперь твою мечту осуществлять будем...

Вздрагиваю:

– Нет.

– Чего такое?

– Нет. Не надо.

Парень, ты еще долго будешь на мечту свою смотреть? Вот чесслово, вот на дух таких не переносу, которые по тридцать лет сидят, на мечту свою смотрят, ах, потом, ах, завтра, ах, с понедельника... а потом бац, жизнь пролетела, а что, а как, а почему... а всё...

Обнимаю Мечту.

Свою, единственную, любимую.

– Нет.

Обнимаю Мечту.

Опускаю занавески в комнате, остаюсь наедине с Мечтой, зарываюсь носом в её волосы, ласкаю её кожу, мягкую, упругую, вдыхаю запахи Мечты, запахи Атлантиды, бесконечно далекой...

– А этот человек чего говорил про меня?

– Да... ничего.

– Ну как ничего, ну говорил же он...

– Да... ерунду всякую...

Целую свою Мечту, руки, волосы, плечи, струящееся платье скользит на пол...

Вот это Мечта, вот это я понимаю, всем Мечтам Мечта...

Оборачиваюсь. Узнаю господина Такого-то, он меня не узнает, обнимает томную даму, приговаривает:

– Всем мечтам мечта... это ж надо придумать, салон красоты открыть! Правильно рассуждаете, красота мир спасет... человек должен тем заниматься, что у него получается лучше всего, это я всегда говорил... а то вон жена моя бухгалтером работала, потом бросила это дело к черту, ненавижу, говорит... Я ей – а чего вообще на бухгалтера шла? А родители заставили... ну-ну... Благоверная моя одежду шьет, вообще зашибись, а они её в бухгалтера... сейчас ателье своё открыла... Так что я всегда говорю, мечта – это дело такое... важное...

Томная дама смущенно краснеет. Берет под ручку свою мечту.

– А давайте вашу мечту... осуществим?

– Ой, ну что вы, ну вот так, прям сразу...

– А чего ждать? Так и всю жизнь прождать можно... Вон, ходит человек, всю жизнь над мечтой своей трясется, так и не воплотит никогда... в жизнь...

Это он про меня.

Даже не вздрагиваю. Иду домой. К своей мечте. Сегодня я ей цветов купил, редкие цветы, говорят, их из самой Атлантиды привозят.

Спешу домой. Забиваюсь в автобус, над головой хрипит радио, слышу знакомое слово, – Атлантида.

Прислушиваюсь.

Не понимаю.

Что значит – тайфун, что значит – ушла под воду, так не бывает, так не может быть, так...

Оборачиваюсь, натываюсь на холодные взгляды. Ищу поддержки сам не знаю, у кого.

– Так это что получается... в Атлантиду... не поедет больше?

Люди фыркают.

– Ишь, размечтался...

– И сто лет не ездили, и еще столько не поедem...

– Выдумал тоже...

Выбегаю из автобуса, чуть не поскользываюсь в весенней жиже, бегу к дому...

Звонок надывается под моими пальцами.

Тишина в квартире.

Ключ не слушается, не попадает в замок.

Открываю.

– Мечта!

Первый раз зову её по имени.

– Мечта!

Легкий запах духов.

И всё.

Граница без границ

– Работа непыльная...

Вздрагиваю. Если говорят – работа непыльная, значит, что-то ужасное готовится. Не иначе.

Сержант смотрит на меня. Испытующе.

– Стрелять-то умеем?

– Обижаете. Как не уметь-то?

– Вон... – палец сержанта указывает на флюгер покосившегося дома на холме.

Цельсь.

Стреляю, ружье больно долбится мне в плечо, отступаю назад.

Пуля царапает черепицу.

– Нда-а, на троечку...

Сержант презрительно сплевывает.

– Да вы погодите, я сейчас... пристреляюсь...

– И долго ты пристре...

...флюгер слетает, сбитый моим выстрелом.

– Ай, молодец...

Улыбаюсь.

– Рад стараться.

– Откуда такой будешь-то?

– Из Самары я.

– Ой, Самара-городок...

Подхватываю:

– Беспокой-на-я-я-...

– Чш-ш-ш!

Сержант поднимает палец, прислушивается.

– Тихе ты...

Замолкаю.

Ветер шевелит листья. Невидимая в зарослях птаха отстукивает чечетку, замолкает.

– Не... ничего... померещилось.

Киваю, померещилось, так померещилось.

– Ну, ты хоть понимаешь, что мы тут делаем?

Границу охраняем.

– Верно. Её, родимую. Смотрим, чтобы отсюда никто не перебрался...

– А сюда?

Сержант смотрит на меня, как на психа.

– Рехнулся, сюда... кто ж сюда переберется...

Киваю. Никто. Хотя не понимаю, почему.

Лес молчит.

Ждем.

Не знаю, чего.

Что-то мелькает за деревьями, сержант толкает меня в бок.

– Чего смотришь, стреляй, давай...

Вглядываюсь в темноту.

– Счас... из зарослей выберется...

– Не видишь? Эх ты, сокол... глаз-алмаз... ну жди, жди, пока он сбежит к черту...

Спохватываюсь:

– Так это же надо... стой, кто идет...

– Смеешься? Пока ты стойкоидекашь будешь, он тебя и уложит к черту! Стреляй уже! Стреляю уже. Что-то темное в кустах вздрагивает, подскакивает, бежит прочь, туда, за границу, бежит...

Стреляю снова.

Снова.

Ружье бьет в плечо, больно, сильно, смотрю на сержанта, ну только посмей твякнуть, что ружье тяжелее меня самого...

Что-то подстреленное падает на траву, что-то огромное, массивное, на человека не похожее, да не человек это, и близко не человек, людей таких размеров не бывает.

Осторожно спрашиваю.

– А... а что мы убили-то?

– Тебе-то что, убили и убили... смотри давай в оба... хоть одну тварь проморгаешь, получишь у меня...

Сержант не договаривает, целится, сбивает выстрелом ночную пташу, – взвиваются в воздух перышки.

Не выдерживаю:

– Чего патроны-то тратить?

– Чего-чего, русским по белому сказано, не пускать никого!

Киваю. Русским так русским, по белому так по белому. Хоть по черному. Хоть по серо-буро-малиновому.

Идем вдоль границы. Называется обход. Что-то хрустит под ногами, доски, обломки чего-то, не пойми, чего, битые стекла, куски кирпичей. Чуть не проваливаюсь куда-то в никуда, чуть не напарываюсь на арматуру, сержант подхватывает меня, куда прешь-то, ноги лишние, что ли, всего-то две...

Прислушиваюсь.

Делаю знак.

Сержант тут же замирает, дает тишину.

Ждем.

Что-то массивное продирается сквозь кусты. Стреляю, раз, другой, третий, звенит разбитое стекло, откуда там вообще разбитое стекло...

– Не подбил, – равнодушно замечает сержант.

Целюсь, сам не вижу, во что целюсь.

Стреляю.

Что-то грузное, массивное валится в кусты с оглушительным треском.

– Молодец. Подбил.

Хочу спросить, кого я подбил. Не спрашиваю.

– Ну, давай, передохнем, что ли...

Настораживаюсь:

– А никто не проберется... пока мы тут передыхать будем?

– Да не, не бойсь, сейчас светает, они поутихнут, лезть не будут.

Снова хочу спросить, кто не будет лезть. Снова не спрашиваю.

Завтракаем. Если это можно назвать завтраком. Разливаем чай из термоса, чай нестерпимо горячий, разбавить нечем, пить тоже невозможно.

Так и стою как дурак с чаем.

Проклевывается рассвет, где-то утробно урчат бульдозеры. Медленно проступает панорама старого городка где-то там, на горизонте, вижу череду маленьких домиков, полуразрушенная крепость на холме...

Урчат бульдозеры.

Здесь.

Совсем близко.

Пытаюсь шутить:

– Кого сносить будем?

– Тебя, кого... вот за этим и пригнали... смотрят, солдат стоит, дай думаем его бульдозерами снесем...

Вымученно улыбаюсь. Хотя мне не смешно.

Треск.

Грохот.

Звон разбитых стекол.

Хочу спросить, что там происходит.

Не спрашиваю.

– Гляди-гляди-гляди, еще один ломится!

Гляжу-гляжу-гляжу. Еще один ломится. Вскидываю винтовку, выжидаю. Что-то огромное, массивное пробирается через кусты, что-то, не знаю, что, только понимаю, с одного выстрела не взять.

Стреляем. Оба. Разом. Что-то огромное, массивное встает на дыбы, надвигается на нас, слон, не слон, не пойми, что, да нет, слонов таких размеров не бывает...

– Отходи-отходи-отходи!

Отхожу-отхожу-отхожу, что-то огромное падает к моим ногам, чуть не придавливает меня своей массой. Падаю, подброшенный дрогнувшей землей, стараюсь унять бешеный стук сердца.

Поднимаюсь.

Иду посмотреть, что мы, собственно говоря, убили. Натыкаюсь на кусок флюгера, обломки шифера, еще что-то такое, знакомое...

Догадываюсь.

Дом.

Общая картина все еще не укладывается у меня в голове. Наконец, начинаю понимать.

– Мы что... в дома стреляем?

– Кто через границу ломится, в того и стреляем, что непонятно-то?

– Да нет... дома... они что... ходят?

– Что им еще делать-то... тут вишь, их сносят, старые-то дома, вот они через границу и прутся...

– А через границу чего?

– Чего-чего... они там под охраной государства, вот чего... их там отреставрируют, в порядок приведут... вот они туда и ломаются... А у нас четким по белому сказали, это старье всё снести, чтобы глаза не мозолило...

– Так чего их стрелять тогда, пусть себе бегут!

– Чего пусть бегут, приказ есть, стрелять надо!

– Да не понимаю я...

– И нечего тут понимать, приказы выполнять надо... ишь чего выдумал, понимать... чш, гляди-гляди-гляди!

Гляжу-гляжу-гляжу. Что-то крадется через заросли, вырывается на пустошь, бежит во весь дух.

Снимаю одним выстрелом.

– Ай, молодец, – кивает сержант, – молоток, парень, молоток, вырастешь, кувалдой будешь...

Рокот бульдозеров.

Треск разрушаемого дома где-то там, там.

Осторожно приближаюсь к тому, что подстрелил, похоже на лошадь, ну так и есть, лошадь... Что-то сжимается внутри, люблю лошадей, люблю, в жизни бы не подумал, что лошадь хлопну...

Лошадь...

Вспоминаю, бывают у лошади рога или нет. Вроде нет. А здесь рога есть. Не рога. Рог. Один. И крылья. А крыльев тоже вроде у лошадей быть не должно...

Слышу свое бормотание как со стороны:

– Это... это что сейчас было?

– На них охоту объявили... а там они под охраной... вот и лезут через границу...

Хочу сказать, ну и пусть лезут, жалко, что ли. Не говорю.

Ну чего заснул, ты давай, смотри в оба. Да не на меня смотри, чего ты, меня не видел, что ли? По сторонам смотри... Да и вверх поглядывай, мало ли чего пролетит...

Поглядываю. Летит. Сбиваю что-то летящее, среброкрылое, человекоподобное. Мимо пролетает стрела, выпущенная чем-то среброкрылым, сержант кидается ко мне, не задел он тебя, не, вот и молодца...

Осторожно спрашиваю:

– А... а люди здесь не ходят?

– Ходят, хотя, куда они денутся...

Темнеет. Сержант снова разливает чай из термоса. Смотрю на чай, вижу, теперь не горячий, пара нет.

Замечаю, что рокот бульдозеров стих.

– Ну, теперь смотри в оба... сейчас только так через границу попрут...

Смотрю. В оба. Что-то шуршит в зарослях, стреляю во что-то, получаю нагоняй от сержанта, чего стреляешь-то, он тебе чего, через границу поперся? А не поперся, так и нечего тут...

Выжидаю.

Ночь, только что свиристевшая мириадами голосов, затихает. Понимаю, что что-то случилось, что-то приближается, что-то...

Шорох в кустах.

Кто-то, пригнувшись, бежит через пустошь. Не вижу, кто, догадываюсь.

Только одно животное перемещается на двух ногах.

Только одно.

Целюсь. Стреляю, человек падает, прячется в траве. Отсюда не вижу, понимаю – не насмерть, не насмерть, живой он там, живой, знаем мы их...

Подбираюсь к человеку. Осторожно. Шепотом. Чтобы не увидел, не услышал, не заметил, слух у людей что надо. Сержант молча, по электронке сообщает мне, что людей здесь в округе тоже всех перебили, от людей вреда много, микросхемы портят, вот и перебили их, людей-то... а они теперь через границу перебираются...

Вижу человека, вот он, в зарослях, шуплый, нескладный, не поймешь сразу, он или она. Прикрывает лицо руками, бормочет какие-то проклятия.

Сержант толкает меня.

– Ну, все, добивай его давай, или тебе особое приглашение нужно?

Вынимаю клинок.

– Тоже верно, зачем патроны тра...

Рассекаю провода на шее сержанта, сержант падает к моим ногам.

Подхватываю человека.

– Пойдемте.

– Больно... черт...

– Потерпите... через границу перейдем, там и поищем что-нибудь... от боли...

– Чего поищем, ничего, что пока искать будем, я кровью истеку к черту?

Вспоминаю что-то, что забыл, да никогда и не знал.

Жгут.

– Ну, хотя бы... вот... из ремня...

– Давайте помогу.

– Да ты так сможешь, ногу мне этим жгутом оторвешь к черту...

– Не оторву. Сейчас запрос пошлю, как жгут накладывать.

– Чш, не посылай...

– А что такое?

– Что-что, сейчас засекут, что ты запрос про жгут посылал...

– И что?

– Как что? Вот и спросят, а на хрена тебе жгут? Не иначе как человека отхаживаешь...

которого стрелять должен...

– Давайте... так наложу...

– Чш, стой, палку подложить надо... и написать на жгуте, когда наложили... двадцать три тридцать... ага... ты время засеки, через час ослабить надо.

Засакаю время.

Подхватываю человека, удивительно легкого, почему-то они казались мне тяжелее. Несу к границе, где гуляют по холмам непуганные замки и единороги.

– Спасибо.

– Не за что.

Человек прижимается губами к моим динамикам, есть, что ли, хочет... нет, не то, вспоминаю людские обычаи, догадываюсь – это все-таки она...

...ничего этого я не делаю. Я еще не сошел с ума. Лезвием рассекаю горло человека, сержант ругает меня, что делаю, что я делаю, совсем ума нет, или есть чуть-чуть, так режут, когда надо крови побольше выпустить, а чтобы умертвить сразу, тут по-другому резать надо...

Трава, влажная от крови.

– Молодец... молоток, парень... вырастешь, кувалдой будешь.

– Ну что?

– Не подходит.

– Нет, постойте... он девку эту резал, дрогнул на минуту.

– И чего? И чего? Мало ли кто чего дрогнул... отбой.

Рука жмет клавишу.

ПЕРЕЗАГРУЗИТЬ СИСТЕМУ

Меркнет мир, меркнет граница, меркнет, исчезает город, нейтральная полоса, обломки домов, мертвое тело в траве.

Темнота.

Снова появляется мир, какой он был – сержант на границе, старые особняки в старинном городке, ходит единорог, летает что-то крылатое, девушка прячется, ждет своего часа...

– Отключить испытуемого.

– Не жалко?

Всех не пережалеешь.

ОТКЛЮЧИТЬ ПИТАНИЕ

– На утилизацию?

– Сдурел, на утилизацию, у тебя тут чего, завод по производству всего? Диск жесткий убирай, и хорош... всё-то вас учить надо...

Гардеробщик во сне

- Понимаете... я вчера во сне был демоном...
- Вежливо киваю.
- Интересно.
- Человек краснеет.
- А мне за это... ничего не будет?
- В смысле?
- Ну... вы в полицию на меня не настучите, что я демоном был?
- Да не бойтесь, ничего незаконного тут нет. Вы же никого не убили?
- Нет, вроде.
- Что, не помните, убили или нет?
- Он сжимает голову в ладонях. Жмурится.
- Нет. Не убивал.
- Вот и молодец. Так были демоном... что дальше?
- Вы понимаете... я вообще не знаю, к кому обратиться... Вот, пришел к вам...
- Очень хорошо. Так продолжайте...
- Ну, и вот... Я был демоном, и попал в один мир... Чужой мир, незнакомый...
- И как там все выглядело? Необычно всё?
- Да нет... как у нас. Дома. Улицы. Ночь. Фонари светятся...
- Ночь, улица, фонарь, аптека.
- Вот-вот. И вот я там одному человеку служил... Ну, согласился служить...
- Очень интересно.
- А то сами понимаете, работать где-то надо...
- Конечно, как без этого.
- Ну и вот. Человек этот мне записку дал...
- Что в ней было написано?
- Не знаю.
- Что... не прочитали?
- Да она не мне адресована была.
- А, ну тогда конечно.
- И вот, велел мне эту записку в один дом отнести и одному человеку в карман положить.
- Он мне как сказал, там у них в домах внизу гардероб есть, где жильцы свои пальто и прочее оставляют...
- Здорово как, у нас бы в два счета сперли.
- Вот и я тоже так подумал. А хозяин сказал, отнесешь. И положишь. Квартиру этого человека мне назвал, у них там номер вешалки по номеру квартиры.
- Ага. Продолжайте.
- Ну вот. Пошел я, значит... еще хотел наушники включить, музыку послушать, люблю я это дело...
- А вот это вы зря. Так и под машину попасть можно.
- Да у них там вроде не было машин...
- Ну, еще под что-нибудь. Под лошадь... Ну ладно, ладно, продолжайте.
- А музыка-то и не играет, что-то там у них с радиоволнами в этом мире... или со звуковыми волнами... Или не знаю, с чем. Ну и вот... прихожу я в этот дом... большой еще такой дом, я три раза обошел, прежде чем вход увидел. Захожу. Тут-то меня облом и ждал.
- А что такое?
- Женщины там такие... шикарные...

- Что ж вам не понравилось, если женщины?
- Да нет... я смотрю, а там гардеробщику сидит.
- Вот как.
- Ну... и перегороджено, и черта с два я до нужного пальто доберусь. Там только по биркам выдают, а бирки-то у меня нет.
- Да, сложно.
- Ну и вот, возвращаюсь я к хозяину ни с чем...
- Что-то быстро вы отступили. Хоть бы в квартиру эту поднялись, позвонили бы, или в дверь бы записку сунули...
- Да дело-то не в этом.
- А в чем?
- Он смотрит на меня. Растерянно.
- Как... вы не понимаете?
- Извините... нет.
- Чего нет, да я нарочно еще в пару домов ткнулся, там тоже гардеробщик.
- Слушайте, все равно не понимаю.
- Сейчас поймете. И вот иду я к своему хозяину, и говорю: а там гардеробщик. Он руками разводит, ну вот, какая жалость.
- Тут я его и спрашиваю. А вы почему не знали, что там гардеробщик? Вы в этом мире живете, и не знаете, что в подъездах делается?
- А он что?
- Ну, он давай отпираться, отнекиваться, я не я, и лошадь не моя...
- Какая лошадь?
- Ну... говорят так... Тут я разозлился, весь прямо огнем горю, жаром дышу, глаза красные...
- Стойте, вы как глаза видели?
- Так во сне можно себя и со стороны углядеть, не знали?
- Первый раз слышу.
- А можно. Ну и вот... он в несознанку ушел, я ему руку сжимаю, пока не сильно, говорю, ты у меня сейчас без руки останешься, говори уже, что к чему... Ну что вы на меня атак смотрите, я человек по жизни мирный, вон вчера мышь на кухне завелась... Благоверная моя увидела, и-и-и-и! – на стол с ногами, сидит, орет, убей ты мышку эту, а я не могу... рука не поднимается... сидит комочек такой... глазки-бусинки... А во сне прямо думаю, сейчас точно ему руку оторву, если не признается, что к чему...
- И что? Признался?
- А тут я проснулся... и всё.
- Спрашиваю откровенно:
- Так что же вы хотели?
- Ну как что... тут видите... я из сна ушел, а он там остался... Этот человек... который неизвестно откуда... неизвестно, как он в этот мир попал, и что делать собирается...
- Соглашаюсь:
- Неизвестно.
- Так вот я и думаю... дело-то, конечно, не мое... только я вот в этот мир попал, вроде как участие во всем в этом принял... значит... я как бы в ответе за тот мир, да?
- Ну, я бы так не сказал...
- Но... мне кажется, я должен туда вернуться.
- Это не мне решать, это только вы сами решить можете... Никто за вас.
- Да?
- Ну. Только это... вы не говорите никому, что это я вам сказал.

– А что так?

– А так. Сейчас вроде закон приняли... что за подстрекательство к вхождению в сон дело шьют. Пятнадцать суток, не меньше.

– Вот оно что...

– Ну. Так что это вам решать... не мне... – смотрю на часы, – ну вы извините, меня другие пациенты ждут...

– Да... конечно...

– Вы завтра приходите часов в десять.

– Обязательно приду.

– Вот и расскажете... как оно у вас тут было всё...

– Обязательно расскажу...

Смотрю на часы.

Половина одиннадцатого.

Набираю номер, уже ни на что не надеюсь. Знаю я таких людей, один раз к психологу сходят, и всё, и типа с них достаточно уже. И не втолкуешь людям, что одним сеансом тут не поможешь...

Длинные гудки.

Женский голос:

– Алло.

– Э-э-э... а мне бы...

Понимаю, что даже не знаю его имени.

– ...а мне бы мужа вашего...

– А он не вернулся сегодня.

– Домой не вернулся?

– Да нет. Из сна не вернулся.

Холодеет в груди.

– Да вы что?

– Ну... увидел он что-то...

– Разрешите... я к вам приеду сейчас. Я его лечащий врач, понимаете?

– Понимаю...

– Адрес мне назовите... будьте добры.

– Да вы не разувайтесь...

– Да как не разуваться, натопчу вам тут...

Вхожу. Что-то мохнатое бросается под ноги, даже не вижу, собака, или кошка, или что.

– Где он спал?

– Вот тут... не-е, он с краю спит, это я у стены... я просыпаюсь, нет его... я еще думала, в ванную вышел или куда...

Подбираю крупички сна, складываю в чашку Петри, капаю раствор.

Жду.

Крупички сна тают с легким шипением, становятся ярко-лиловыми. Это дело дрянь, что лиловыми, значит, сон на максимальной глубине.

– Так... слушайте меня. Внимательно. Я сейчас спущусь в сон. Трос снаружи у вас останется, когда за трос дерну, вы поднимайте...

– Да как я вытащу...

– Молча, как. Вам самой ничего тащить не надо, только на кнопку вот тут нажмете.

– Ой, я еще на что-нибудь не на то нажму...

– А вы нажимайте на то. Делов-то...

- Да я...
 - Мадам, вы мужа своего вернуть хотите?
 - Еще спрашиваете.
 - Ну вот, значит, нажмете на то, что надо, – подключаю датчики, спрашиваю, почему у меня так потеют руки, никогда не боялся, а тут на тебе, руки дрожат...
- Обратный отсчет.
- ...три...
 - ...два...
 - ...один...

Непролитая книга

Бросаю монету в щель.

Жду.

Автомат утробно урчит, фыркает, выбрасывает мне на ладонь книгу.

Взвешиваю на ладони. Тяжелая, какой всегда бывает непрочитанная книга. Пытаюсь вспомнить, какими были книги до неё, ничего не вспоминается.

Остальные недоверчиво смотрят на меня.

– Взял? – спрашивает главный.

– Взял, взял...

– Давай еще бери, – требует парень.

– Да погодите вы, давайте лучше пожрем нормально!

Это девушка говорит.

– Чего пожрем, суши давно не видела или омаров с лобстерами? Книгу бы еще взяли, читать так читать!

Это парень.

– Больше одной не брать, сказано было.

Это главный. Сказал, как отрезал. На то и главный. Девушка прыгает на месте, пошли-пошли пожрем, парень хмурится, а тут хмурься не хмурься, с главным не поспоришь.

Я девчонку понимаю, у самого от голода кишки сводит, дорого нам эти книги обходятся, дорого...

Ужинаем.

Лобстеров с омарами, конечно, нет, но и без омаров хорошо, рыбка, картошечка, девушка торт заказала, главный вино заказал, разливает по крохотным рюмкам, давайте, за нас с вами, и за черт с ними...

Вечереет.

На улице сами собой зажигаются фонари. Здесь вообще все делается само собой.

Здесь.

В обезлюдевшем мире.

После ужина устраиваемся в креслах, главный кивает мне:

– Ну, давай... читай... как ты это там делаешь...

Открываю книгу, круглую, тяжелую, как всегда открываю осторожно, так и кажется, что сейчас расплещется книга, прольется вся незнамо куда.

Меня окружает туман. Глубокий туман, непроглядный туман, насколько хватает глаз. Так всегда бывает, когда открываешь незнакомую книгу. Чуть погода начинаю выискивать в тумане образы – одинокий фонарь на углу улицы, мотылек бьется о стекло фонаря, запах имбирных пряников из кондитерской, затхлый запах болота, которое начиналось сразу за кладбищем...

Стоп.

Вспоминаю.

Болото за кладбищем. Это уже было, это я уже читал.

Закрываю книгу.

– Читал уже.

Главный грохает кулаком по столу.

– Чер-р-р-г!

Вздрагиваю. Главный хлопает меня по плечу, ничего, ничего, ты-то не виноват ни в чем, ты-то молодец...

Просыпаюсь.

Полная луна заглядывает в окна.

Открываю книгу. Просто так. Уже знаю, что в ней ничего нет, книги долго не живут.

Выхожу в кухню, там уже сидит главный с кружкой чая, хочу ретироваться, главный уже заметил меня, делает знак, иди, иди сюда, посидим, что ты от меня как от чумного...

Наливаю чай.

Спрашиваю:

– А какую книгу вы ищете?

Главный фыркает.

– Парень, те так прямо и скажи.

– Так если вы мне скажете, так быстрее найдем, я же не просто так спрашиваю...

– Да не знаем мы, в том-то и дело.

– А как тогда...

– Когда увидим, сразу скажем – она. Ты только читай...

Я и читаю. Работа у меня такая, читать.

А они читать не умеют, у них читалки в голове нет.

– Ты мне вот что лучше скажи... – главный придиричиво смотрит на меня, – какого черта они сделали, чтобы вы книги забывали? Вот ты прочитал, не помнишь уже ни хрена...

– Да как это, какого черта, неужели не догадываетесь?

– То-то и оно, что нет.

– Так элементарно все, чтобы книги больше покупали. Чтобы купил книжку, и только через полкниги вспомнил, что читал уже это... по каким-нибудь отдельным моментам... ну там фонарь какой... мотылек у фонаря...

Растираю виски, хочу вспомнить еще что-нибудь из книги, не могу, а ведь только что читал, только что...

Главный вздыхает.

– Тупеют поколения...

Вспыхиваю.

– Да ничего не тупеют, они нарочно нас отупили!

– Тише ты, разбудишь...

Хочу сказать, что не спят они, парень с девушкой, у них ночью дела и поважнее есть, – не говорю.

Вставляю монету.

Жду.

Книга падает мне на ладонь.

Устраиваемся тут же в кафе неподалеку, открываю книгу.

Окутывает туман. Насколько хватает глаз.

Терпеливо жду.

Начинаю читать, с начала, вижу поздний вечер, слышу завывание ветра в печных трубах маленького городка, прикидываю по погоде – ноябрь, вижу путника, который подходит к городку, зябко кутается в дохлое пальтишко, стучится в двери таверны на углу, где светит единственный фонарь, о стекло которого бьется последний в этом году мотылек. Из дверей таверны пахнет горячими булочками с корицей, странника передергивает от голода. Чего изволите, спрашивает толстомясый хозяин, к вашим услугам горячий ужин, ночлег, три талера все удовольствие. Странник осторожно намекает, что денег нет, хозяин разводит мясистыми ручищами, на нет и суда нет. Путник не уходит, держит на ладони карту, трюфелевого туза, карта поднимается над рукой, парит в воздухе. А-а-а, так вы их этих, оживляется хозяин, так бы сразу и сказали, милости просим, милости просим дорогого гостя. У нас тут что случилось-то, –

продолжает хозяин уже за накрытым столом, – огни какие-то нехорошие на болоте, где раньше кладбище было... и мор какой-то по городку пошел, может вы, господин маг, разберетесь? Маг задумывается – теперь в свете лампы видно его лицо, бледное, изможденное, темные круги под глазами. Боюсь, здесь ничем не смогу помочь, это не по моей части, должно быть, здесь виной всему ядовитые испарения с кладбища, возможно, там в старину хоронили умерших от чумы. Хозяин хочет возражать, настаивать, – не успевает, его прерывает звон дверного колокольчика. В таверну входит худенькая девчушка, подросток лет тринадцати, робко становится у входа. Тоненький голосок девчушки, добрый господин, прошу вас хлеба для моей матери... Хозяин таверны разводит руками, дитя мое, хлеб на деревьях не растет, за хлеб денежки платить надо. Девчушка вот-вот разревется, странник встает, протягивает девчонке свой ужин. Хозяин пытается протестовать, но странник обрывает его, хорошо, хорошо, я займусь вашим болотом, а вы позаботитесь о девочке и её семье...

– ...Ты чего там, всю книжку прочитать решил?

Вздрагиваю, прихожу в себя. Вынырываю из книги, оглядываюсь, хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Ну что? Читал ты её?

– Стойте... погодите... – сжимаю голову в ладонях, ну дай же мне вспомнить, дай-дай-дай...

– А вот... вот оно, точно...

– Это все... одна и та же книга.

– Чего?

– Одна и та же книга... одна-единственная... им чего с издательством заморачиваться, одну книгу переиздают, и хорош...

– Нет... парень, быть не может, чтобы одна книга была, должна быть еще одна... – главный хватается за голову, – книга... в которой всё написано, почему так случилось... и дальше что делать...

Не выдерживаю:

– Почему вы так считаете? Почему должна?

Главный что-то знает, что-то, чего нам не говорит, а зря не говорит, знали бы друг про друга всё, глядишь, и разобрались бы быстрее, почему мегаполис обезлюдел за одну ночь...

Редкий экземпляр

– Проходите. Прошу вас, – сказала юная книжечка со сказками.

Мне стало не по себе. Я уже и сам был не рад, что ввязался в это дело, слишком оно было не похоже на всё то, чем я занимался раньше. И все-таки отступить было поздно, – вслед за юной книжечкой я поднялся по витой лестнице на третий этаж, откуда открывался захватывающий вид на Букбург.

– Фолиант ждет вас, – сказала юная книжечка.

Я вежливо поклонился старому фолианту: он выглядел настолько дряхлым, что, казалось, готов был вот-вот рассыпаться в прах, а когда он привстал с кресла-качалки, мне стало за него страшно.

– Рад приветствовать вас, – сказал старый фолиант слабым дребезжащим голосом, – надеюсь, вы хорошо доехали?

– Более чем.

– Осмелюсь предложить вам парочку старинных историй?

– Огромное спасибо.

Вошел старый том какого-то классика и поставил на стол поднос со свежими историями: от них шел такой дразнящий аромат, что я почти тут же забыл про свою так и не начавшуюся диету и обещание съесть не более парочки историй.

– Что же, перейдем к делу, – проскрежетал Старый Фолиант, – видите ли, я решил предложить вам очень выгодную работу.

– Я всегда с удовольствием берусь за любую работу, – с готовностью ответил я.

– Что же, тогда вам должно быть интересно моё дело. Я слышал о вас, как о выдающемся детективе...

– Ну, насчет выдающегося, боюсь, слухи преувеличены.

– Тем не менее, говорят, вы можете найти даже то, чего вообще не может быть.

– Гхм... вы мне льстите.

– И именно об этом я хочу вас попросить. Найти кое-что... в существовании чего никто не верит.

– Что же это? Философский камень? Кровь единорога? Обратная сторона луны?

– Нет, все намного сложнее... наклонитесь, друг мой, и я скажу вам, что именно я ищу уже много лет.

Я наклонился, и старый фолиант шепнул мне одно-единственное слово.

Мне показалось, я ослышался.

– Но... этого не может быть. Их не существует.

– Все так думают. Но я уверен в обратном. Как вы смотрите на то, чтобы совершить небольшую поездку в Грамбург?

– М-м-м...

– Я вижу, вы не любитель дальних путешествий, – фолиант оглядел мою пухлую фигуру.

– Но ради такого случая я готов совершить длительное путешествие.

– Признайтесь, вы не верите в успешность этого мероприятия.

– Гхм... честно скажу, очень сомневаюсь. Однако, готов взяться за дело.

– Можете не сомневаться, вознаграждение будет щедрым, – сказал старый фолиант.

Только выйдя на улицу и забравшись в экипаж, я осознал, во что именно ввязался. Я понимал, что никогда в жизни не найду то, за чем послал меня старый фолиант – однако, отказываться от солидного вознаграждения мне не хотелось. Единственным выходом оставалось одно – водить заказчика за нос...

Я прибыл в Грамбург вечером – как раз в самое подходящее время, чтобы остановиться в уютной гостинице и подремать у камина. Однако, странное беспокойство заставило меня прямо с вокзала отправиться к Медицинскому Справочнику, чей адрес порекомендовал мне Старый Фолиант.

Медицинский Справочник жил в роскошном поместье, величию которого мог бы позавидовать королевский дворец. Мне навстречу вышел старый слуга – им оказался учебник анатомии – и пригласил к хозяину. Я вошел в просторную залу, буквально натолкнулся на суровый взгляд хозяина и понял, что разговор будет непростой.

– У вас есть полчаса, друг мой, – сказал Справочник.

– Много наслышан о вас...

– А не будет ли вам угодно перейти ближе к делу?

– Я слышал, у вас есть уникальная коллекция органов...

– Интересуетесь анатомией?

– Да, знаете, моя маленькая страсть.

– Гхм, судя по вашему виду, вы не можете отличить предсердие от желудочка.

– Отнюдь. Очень даже могу. Желудочек – это то, чем переваривают пищу.

Справочник расхохотался.

– Вот вы и попались, друг мой, вот вы и попались. Так все-таки, что вас привело сюда?

– Видите ли... я совсем ничего не понимаю в медицине... но давно мечтал заниматься ею...

– И что же?

– Я очень прошу вас... возьмите меня в ученики.

– Это самая невероятная просьба, которую я когда-либо слышал. Более того, я бы сказал, что это безумие. Но знаете... вы мне понравились. Пожалуй, я возьмусь учить вас. Обратите внимание... вот это заспиртованное сердце человека.

– Настоящее сердце?

– Да, друг мой. Признайтесь, вы представляли его себе иначе?

– Признаюсь, да.

– Что же, друг мой, вам придется многому научиться. А вот, обратите внимание, пластмассовый муляж человеческого глаза.

– Невероятно.

– Обратите внимание, здесь я храню кости человека... настоящие...

– Скажите... – я осторожно откашлялся, – а у вас есть...

Я назвал то, что искал.

– Вот же, отличная схема...

– Да нет. Настоящий... живой.

– Вздор! Уж не думаете ли вы, что где-то на земле они еще остались?

– Но я думал...

– Дорогой коллега, я считал вас порядочной книгой, а вы так разочаровали мои ожидания! Вы оказались обычным охотником до дешевых сенсаций, которому не терпится написать, что я прячу у себя редкий экземпляр! Убирайтесь прочь, пока я не бросил вас в камин!

Не помня себя от ужаса, я кинулся прочь из дома. Я был так испуган, что даже не взял свою шляпу и трость, и окончательно пришел в себя только когда оказался на ночной дороге. Я полагал, что заночую в поместье Медицинского Справочника, поэтому отпустил экипаж – теперь из-за проклятой самонадеянности мне пришлось идти до города пешком.

Ночь выдалась довольно темная: я не видел, куда иду, и скоро сбился с дороги. Но когда я уже почти отчаялся найти путь, вдалеке показались огни кареты. Я бросился к экипажу – на свою беду слишком проворно, да так, что попал под колеса.

– Господин! С вами всё в порядке? – окликнул меня пассажир.
– Кажется, я слегка запачкал обложку, – отозвался я.
– Какое несчастье. Ужасно сожалею. Осмелюсь предложить вам свой экипаж, в нем вы можете доехать до Грамбурга.

– Огромное спасибо. Вы так добры...

Я и правда был счастлив – потому что начал накрапывать мелкий дождичек, а мокнуть мне не хотелось. Когда мы приблизились к Грамбургу, дождичек перешел в снегопад, и я снова порадовался, что мне не пришлось добираться пешком.

– Вы заблудились, не так ли? – спросил мой попутчик, Сборник Детективов.

– Не совсем так. Я навещал Медицинский Справочник.

– Что-то вы не похожи на любителя медицины.

– Да, я им не являюсь. Один почтенный фолиант попросил меня найти... гхм...

Я назвал, что именно меня попросили найти – и тут же спохватился, имел ли я право раскрывать тайну.

– Да, вполне возможно, что Медицинский Справочник прячет у себя в доме что-то такое, – сказал Сборник.

Он сказал это уже в уютном кафе на первом этаже гостиницы, куда мы зашли обогреться и полакомиться свежими историями и сказками.

– Однако, он сам мне сказал, что у него ничего такого нет, – признался я.

– А вы всегда слепо верите всему, что вам говорят? Я бы на вашем месте предпочел не слушать, а смотреть.

– М-м-м... и на что же я там должен был смотреть?

– Вы не заметили ничего необычного?

– Что именно я должен был заметить?

– Ну... например... вы мне вот что скажите, мяса у него в доме не было?

– Было. Мясо. Зерно...

– Вот оно что.

– Что?

– Он лжет... он действительно прячет у себя в замке...

Сборник не договорил, и так было ясно, что он имеет в виду.

Ночные приключения не прошли для меня даром, и наутро я проснулся уже после полудня. Я бы спал и дольше, если бы меня не разбудил телефонный звонок от старого Фолианта.

– Ну что, друг мой, вы нашли что-нибудь?

– Да. У меня есть доказательство, что Медицинский Справочник и правда прячет...

– Отлично. Вы мне его достанете.

– Справочник?

– Нет. То, что он прячет.

– Но... он ни за что не отдаст это.

– Знаю. Не отдаст. Так украдите.

– Но...

– Друг мой, я плачу вам за работу, и плачу немало.

Мне стало не по себе. Еще никогда в жизни я не преступал закон, мелкие списывания на экзаменах были не в счет. Но даже не факт воровства приводил меня в ужас. Мне становилось не по себе при одной мысли о том, что именно я должен украсть.

На свою беду я привык доводить начатое дело до конца – у меня даже мысли не было бросить работу на полпути. Именно поэтому я терпеливо дождался позднего вечера – мне казалось, что лучше всего совершить похищение под покровом ночи.

Когда стемнело, я покинул гостиницу – я не вышел через дверь, а осторожно выбрался из окна, чтобы никто не знал, где я буду этой ночью. Свой экипаж я оставил недалеко от поместья, а остаток пути проделал пешком. На мое счастье, шел снег – белый, пушистый, снег, который должен был замести следы.

Возле самого поместья мне стало страшно, по-настоящему страшно – я уже почти готов был повернуть назад, но все-таки нашел в себе силы заглянуть в окно замка. Я увидел то, что меньше всего ожидал увидеть, а именно – Сборник Детективов стоял посреди зала и отчаянно переругивался о чем-то со Справочником.

– Нет! Говорю вам, об этом даже речи быть не может, я не отдам вам его!

– Я охотился за ним двадцать лет! – кричал Сборник Детективов, – любой ценой он достанется мне!

Два почтенных тома набросились друг на друга и сцепились в смертельной схватке. Я и ахнуть не успел – как от дерущихся осталась лишь горстка пепла да обгоревшие обложки. С трудом преодолевая страх, я осторожно отомкнул замок на окне и пробрался в комнату.

И здесь я увидел его.

Совсем рядом.

В двух шагах от себя.

Должно быть, он вошел, привлеченный шумом...

Должно быть...

Я выжидал. Мне казалось, что сейчас он набросится на меня и растерзает в клочья. Но нет, минуты шли, ничего не происходило. Преодолевая страх, я добрался до телефона и набрал номер Старого Фолианта.

– Будьте добры, соедините меня с хозяином, – попросил я молоденькую книжечку, которая сняла трубку.

– Старый Фолиант очень занят, – был ответ.

– Это очень важно. По поводу...

Я назвал то, зачем приехал сюда.

– Сию минуту, господин.

Я ждал. Мне казалось, сама вечность рассыпалась в прах.

– Слушаю вас, – сказал Старый Фолиант.

– Я нашел его. Он наш.

– Отлично. Вы можете привезти его сюда?

– М-м-м...

– Постарайтесь привезти его... невредимым. Для чучела мне нужен идеальный экземпляр.

– Для...

– Да, это будет прекрасным украшением моего дома... я жду вас, мой друг.

– Это... – Старый Фолиант в растерянности посмотрел на кусок пластика, – что это?

– Это то, что Медицинский Справочник прятал у себя в доме.

– Но это же...

– ...пластиковый манекен. Подделка.

– Подделка? – проскрежетал Старый Фолиант.

– Да, увы. Теперь я вынужден признать, что людей не существует. Последний человек оказался подделкой.

– Немыслимо... – вздохнул Старый Фолиант.

– Увы.

Мы помолчали. Мне тоже было грустно осознавать, что труды всех этих дней пропали зря.

- Я должен вам заплатить, – вспомнил Старый Фолиант.
- Что вы... право же, не за что...
- Да как не за что, вы провернули такую работу... честное слово, титанический труд, вы даже похудели... рекомендую вам отправиться куда-нибудь на отдых...
- Обязательно воспользуюсь вашим предложением.
- Лучше всего в теплые страны. Да, теплые страны, это то, что вам сейчас нужно.

Я распрощался со Старым Фолиантом только поздно вечером – и тут же поспешил домой. По крайней мере, так я сказал своему заказчику, что еду домой. Однако, добравшись в экипаже до развилки дорог, я свернул не влево, а вправо, и направил свой экипаж в сторону леса.

Ночь окутала меня пугающей тишиной. Я остановил экипаж и прислушался.

Ничего не произошло.

– Выходите, – осторожно позвал я, – вы слышите меня?

Наконец, кусты затрещали, и он снова показался передо мной. Я снова не смог разглядеть его толком. В свете луны я видел только жутковатый силуэт.

– Пойдемте, – осторожно попросил я, – пойдемте... со мной.

Он покорно пошел за экипажем. Я старался не думать о том, что он может сделать со мной – в памяти крутились жуткие легенды о том, как люди вырывали книгам страницы, а то и вовсе сжигали книги дотла. Но нет, кажется, он не замышлял ничего дурного.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Оливер, – отозвался он, – а вас?

– Сборник Сказок, к вашим услугам.

– Очень... приятно.

И только дома я задумался, что, собственно, я устроил. Рядом со мной сидел человек – живой, настоящий, и я не знал, что с ним делать.

У человека на этот счет было свое мнение. Он осторожно подошел ко мне и опустился на колени.

– Разрешите... я вас прочитаю? – попросил он.

– Вы меня...

– ...прочитаю.

Я даже не успел возразить, я даже не успел спросить, не больно ли это. Человек раскрыл мои страницы, его взгляд побежал по моим строчкам...

Переводчик с треугольного

Палач смотрит в моё дело, потом на меня, наконец, медленно, с расстановкой произносит:

– Вы будете переводчиком.

Вздрагиваю:

– Это мне язык учить придется...

Палач пожимает плечами, придется, никуда не денетесь.

– И какой язык?

– Да вы погодите, погодите, куда впереди паровоза-то побежали... Итак, будете вы переводчиком. Идете вы с делегацией дипломатической, заходите в большой зал, волнуетесь... а там...

Фыркаю.

– Папуасы какие-нибудь... голые, и в бусах из человеческих костей.

– Не угадали. Заходите, а там пусто.

– Ну-у... значит, микробы какие-нибудь.

– А вот и нет. Вот вы стоите, а из пустоты появляется треугольник. Ма-аленький такой треугольничек... потом растёт во все стороны, разворачивается в пирамиду, а пирамида в четыре пирамиды, это будет уже четырехмерный треугольник, симплекс называется. А симплекс в пять измерений разворачивается...

– И?

– И вот... Это делегация от тонкого мира, мира формул, физических законов, геометрических фигур... чисел... а вы учёный. Переводчик между миром людей и миром... миром абстрактной науки.

– А может, тогда не пирамида многомерная, а... попроще что-нибудь? Ну, там, я не знаю... цифра какая-нибудь. Семерка.

– А пирамида чем не нравится?

– Ну, читатель подумает, что это переговоры трехмерного мира с пятимерным.

Палач хмурится, думает, хочется подкрутить у него что-нибудь в голове, чтобы думал в мою пользу...

– Верно говорите. Пусть семерка будет. И еще так, вы её видите, а остальные люди не видят. Ну и вот. Переговоры заходят в тупик. Вы как можете, пытаетесь спасти ситуацию.

– Да я в дипломатии не силен вообще-то...

– Подучитесь, ничего не поделает. Потом перерыв между переговорами. Выходите в холл, можете там кофе попить, перекусить... Вспоминаете своё детство, как была у вас книжка какая-то в детстве математика для самых маленьких, там был мальчик... вас как зовут?

– Илья.

– Мальчик Илюшенька, и у него была подружка, говорящая семерка, она его цифрам учила. И кто же тогда знал, что всё это сбудется... только не подружкой вам будет семерка, а... даже не партнером деловым. А без пяти минут врагом. Не сможете договориться, войны не избежать.

– Ага, понятно. А дальше что?

– А дальше семь дней идут переговоры. Вы отчаянно пытаетесь спасти ситуацию... и не можете.

– Да ну?

– Ну да. Видите как... мир людей и мир точных наук друг друга не понимают. Вот много человек вторую производную посчитать могут?

– М-м-м-м...

– Вот-вот. Раньше люди всё это в школе учили, а сейчас на хрен надо...

Вспыхиваю:

– Слушайте, вы хороши на наше поколение бочку катить...

– Да при чем тут ваше поколение, это в книжке всё так будет! Люди знали знания, а потом учить перестали... и там, в том мире, в мире чисел и формул тоже раньше человеческим интересовались... а потом интерес на нет сошел, им и без нас своих проблем хватает. А тут бац! – миры-то и пересеклись, и хочешь, не хочешь, а надо отношения налаживать...

Соглашаюсь:

– Надо.

Я со всем соглашаюсь. Наказание отбывать придется, ничего не поделаешь, а с наказаниями у нас строго, лучше бы улицы убирать послали или лес валить. Так нет же, лес валить и машина может, и улицы убирать тоже, а кого у нас не хватает катастрофически?

Вот-вот.

Персонажей в книгах.

Вон сколько историй лежит ненаписанных, потому что героев нет.

Так что никуда не денешься, буду наказание отбывать, я гражданин законопо... э-э-э, нет, законопослушным меня уже не назвать после того, что я натворил, но наказание отбывать всё равно буду.

А?

А вот что я натворил, этого я вам не скажу. Нет, не убивал я никого. Вернее... как вам сказать... тут всё сложно. Вы меня судить не спешите, вы же всей правды не знаете, а правду я вам не скажу, велели засекретить моё преступление...

– Ну и вот... – продолжает палач, – а вы в книге недаром переводчиком решили работать. Потому что вы человек такой... не от мира сего. Учёный. Погруженный в расчеты, в размышления всякие... Вы как бы живете между миром людей и миром наук. А тут переговоры в тупик заходят, между мирами начинается война, ну, еще не начинается, но на грани, на грани, понимаете? И вам нужно выбрать, в каком мире вы останетесь... потому что вы, конечно, человек из плоти и крови, но тянет вас туда... к тессерактам и теоремам Ферма...

– Я сам должен буду выбрать или это в книжке прописано?

– Да вы погодите, куда вы опять вперед паровоза бежите. В тот вечер вы попадаете под машину, но остаетесь живы. Да не просто живы, а все раны на вас моментально зажили. Тут появляется семерка, он...

– ...стоп, семерка – это она.

– Никакая она не она, а он в книжке. И вот он уводит вас обратно в отель, где вы ночуете, уводит в номер... И знаете, что он вам говорит?

Фыркаю:

– ...что он мой отец.

Палач бледнеет:

– А вы откуда знаете?

– Да не знал я, ляпнул самое невероятное... – спохватываюсь, – серьезно?

– Серьезно. Вы, так сказать, полукровка, сын женщины и цифры семь. И можете жить хоть в мире чисел и формул, хоть в мире материальном. Ваш отец говорит, что скоро будет война, и что он хочет забрать вас к себе, в свой мир. Вы говорите, что подумаете. Он просит вас поторопиться с решением.

– А я?

– А вы не знаете, что делать, вам одинаково дорог и мир материальный, и мир бестелесный, и краски заката над океаном, и стройная гармония простых чисел...

– ...а какая там, у простых чисел гармония?

Палач отмахивается:

– Ой, не знаю я, написано так в книжке – гармония простых чисел... Вы всё-таки стараетесь примирить два мира, на переговорах вы лжете, переводите не то, что вам говорят... Но у вас ничего не получается. Отец предупреждает вас, что через полчаса начнется война, ваш отель разнесут к чертовой матери, но вы остаетесь в отеле, вы еще пытаетесь что-то исправить... и гибнете.

Облегченно вздыхаю.

– Чего вздыхаете, радуетесь?

– Ну, что книга кончилась, отбыл срок, и всё. Там на сколько страниц-то вся эта фантастика?

– Вы погодите, это не всё ещё, вы же недаром от цифры семь родились...

– У меня семь жизней?

– Ну, не семь, но еще одна есть в запасе. И вот вы решаете свою жизнь по-новому прожить. С самого рождения. Только теперь вы не в мире людей с рождения живете, а в мире чисел... формул... физических законов... вырастаете там, становитесь переводчиком... Всё поняли?

– Понял. А сколько страниц-то?

– Ой, про страницы не знаю, да там немного, семь дней всего переговоры идут. Ну, всё... ступайте.

Ступаю. Уже готовлюсь шагнуть за дверь, оборачиваюсь:

– А...

– ...не больно.

– Чего?

– Не больно будет. Все только это и спрашивают. Ничего не почувствуете.

– Да нет, я не это спросить хотел. Мне учиться-то ничему не надо будет?

– А, ну да, чуть не забыл... вот, возьмите, – палач протягивает мне флешку, – дипломатию подучите... и уравнения там всякие... у вас степень учёная, а мало ли...

Беру флешку, на ходу вставляю в висок, уже не слышу бормотания палача, куда вы её с разбегу, хоть бы с предохранителя сняли сначала...

Открываю дверь, темный коридор обнимает меня со всех сторон. Иду, думаю, когда кончится этот коридор, и кончится ли вообще. А нет, вон впереди что-то светлеет, далеко-далеко. Похоже на рождение. Или на клиническую смерть. Или не знаю, на что похож этот туннель.

Скорее. Пройти этот туннель, и дальше, что там за ним, прожить эту книгу, это наказание, и вернуться. Слишком много незаконченных дел осталось там, в настоящем мире, да таких дел, за которые я исправительными работами в книжке не отделаюсь. Если меня опять заловят, то казнят, не меньше. Но дело того стоит, ещё как стоит, слишком много стоит на кону, слишком много людей и судеб, не для себя же я в конце концов стараюсь, не для себя...

(сколько же все-таки страниц)

Иду, повторяю про себя, чтобы не забыть, я переводчик, посредник между мирами, работаю в мире людей, потом между мирами начинается война, а я не могу её остановить... (ну сколько же там страниц). А потом я умру, а потом я снова появлюсь уже в мире теоремы Ферма и уравнения ОТО, потом я стану переводчиком...

Стоп.

Озарение вспыхивает само собой, хлопаю себя по лбу, как я сразу не догадался, чер-р-р-т...

Ну, конечно.

Стану переводчиком, и вот я вместе с семимерными семигранниками выхожу в некое пространство, а навстречу мне вылезает пульсирующий комок белка и воды, и семигранники морщатся, бр-р-р, мы знали, что люди жуткие, но чтобы настолько... А я иду к людям, говорю, как учили – доброго вам утра...

А потом они не договорятся. Люди и не люди. И будет война. Снова. И я умру. Снова. И поскольку прошлого своего не вспомню, снова начну жизнь сначала, в мире людей, попробую остановить войну с той стороны... и с этой... с той... и с этой...

Теперь понимаю, сколько в книге страниц, так вот оно, наказание-то, я еще радовался, легко отделался...

Вспоминаю, не могу вспомнить, как обозначается в математике бесконечность.

Думаю, как отсюда выбраться, понимаю – никак. Обращаюсь к тем, кто сейчас читает эти строки, кто может завершить то, что не доделал я, – итак, я был осужден за...

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИНФОРМАЦИЯ ЗАСЕКРЕЧЕНА ПО ТРЕБОВАНИЮ ПОЛИЦИИ.

Лабиринт без зеркал

– Он затащил меня в лабиринт... понимаете?

Не понимаю. Но на всякий случай киваю, в лабиринт так в лабиринт. Смотрю на посетителя, руки трясутся, крепко напуган парень, понять бы еще, кто его напугал.

Пытаюсь успокоить:

– Но вы же выбрались, верно ведь? Так что всё хорошо.

– Нет. Не выбрался.

Мысленно морщусь. Так, еще сумасшедших мне тут не хватало. Ладно, не привыкать, и не такое видели, ту за день такого повидаешь, что мало не покажется.

– Это был сон. Понимаете? Сон. И во сне он загнал меня в лабиринт...

Понимаю, что он мне не ответит. Скорее всего. Но все-таки спрашиваю:

– Кто он?

– Не знаю... он... он, и все тут.

Понятно. Так и бывает обычно во сне, кто-то что-то делает, а кто что – непонятно.

– Лабиринт... и что же?

– И вот. Большой зал, а от него шесть коридоров. И в конце каждого коридора тоже зал.

– Так-так...

– И вот я заметил... что вот я в зале стою, вот коридор, зал, опять коридор, и в следующем зале... там человек стоял. Спиной ко мне.

– Еще кого-то в лабиринт посадили?

– Я тоже так подумал. По коридорам посмотрел, там везде в соседнем зале пусто, а через один зал человек стоит. Спиной ко мне.

– Вы их окликнули?

– Окликнул, конечно. Только они меня не услышали... я и сам своего голоса не услышал.

– А дальше что?

Парень испытующе смотрит на меня:

– А вы что на моем месте сделали бы?

– К ним бы пошел... К кому-нибудь из них.

– Я так и сделал. Только знаете, что я заметил?

– Вы к ним идете, они от вас?

Парень вздрагивает:

– А вы откуда знаете?

– Ну... предположил самое неожиданное.

– Я потом на одежду их посмотрел... на фигуры...

– И?

– И еще подумал, почему человек со стороны себя никогда не узнает. В зеркале, например, если много зеркал...

Догадываюсь:

– Там были зеркала?

– Я тоже сначала про зеркала подумал. Только потом вперед пошел, понял, что никакого зеркала там нет.

– Тогда что же?

– Как бы вам объяснить... – парень хмурится, – там было всего два зала. Два зала и шесть коридоров. Лабиринт был изогнут... только не в трех измерениях, а в четырех...

– Интересно... а поподробнее можно?

– Да что поподробнее, я в этом деле не спец... в измерениях-то. Сам с трудом понял... Но понял. И сказал ему, я ваш лабиринт раскусил, я знаю, как он устроен...

– Ему?

– Ему. Этому самому... Он меня похвалил еще, молодец, говорит... И обещал мне задание посложнее дать.

– Посложнее?

– Ну да. И дал мне такой же лабиринт, только там не пространство, а время. Все начинается в одной точке... потом появляются разные варианты реальности... а потом все снова сходится в одну точку. Понимаете... что ни делай, как ни живи, конец один...

– И что же? Вы прошли и этот лабиринт? Вы выбрались?

– Да нет, понимаете... он мне обещал лабиринт... И тут я проснулся.

– Бывает. Вы на следующую ночь...

– ...так пришла следующая ночь, а я во сне ничего не увидел.

– Странно... гхм...

– Вот я и пришел сюда... чтобы вы мне помогли обещанный лабиринт найти.

– Хочу сказать, что мы вообще-то этим не занимаемся. Не говорю. Хлопаю себя по лбу.

– Не... не надо вам ничего искать.

– Да как не надо, я же ему обещал... что лабиринт пройду...

– Обещали. И пройдете.

– И... где же он?

Обвожу руками комнату:

– Здесь.

– Вы шутите...

– Нет. Здесь. От Большого Взрыва до Коллапса.

– И я...

– И вы.

– Я ему обещал...

– Обещали...

Думаю, что мне делать. Бросить клич, чтобы ему помогли все, от мала до велика, или пристрелить его на месте, пока не разорвал коридоры времени...

Замкобургский чертог

– Видите как... – пауза. Многозначительная, – просьба у меня к вам. Не совсем обычная. Еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть. Ко мне все обращаются с просьбами. И все с не совсем обычными.

Смотрю на посетителя. Сорок лет, два раза женат, два раза разведен, есть сын пятнадцати лет от первого брака и дочь десяти лет от второго брака, дочь не его, он об этом не знает. В пятьдесят лет погибнет в аварии... нет, вру, в автокатастрофе, об этом он тоже еще не знает.

Что еще... в детстве мечтал быть божеством, создавать миры и управлять мирами, сейчас он... сейчас его мечта сбылась. Стоп, что такое, не могла она сбыться, что-то я не вижу, чтобы среди нас божества расхаживали... Присматриваюсь к гостю, – а-а-а, вот оно что, в режиссеры выбился, фильмы снимает...

Киваю:

– Слушаю вас.

– Видите ли... режиссер я. Ценский моя фамилия. Мы тут в последнее время один сериал снимали... средневековье... рыцари... замки... В каких только замках не снимали мы... по всему миру...

Снова киваю.

– Очень интересно.

– Боюсь, все детали съемок раскрыть вам не могу.

– А... в чем дело?

– Так коммерческая тайна, сами понимаете.

Откашливаюсь:

– Ну, если для следствия будет нужно, вам придется сообщить мне всё.

Режиссер вскидывается, на какие-то доли секунды вижу у него опухоль в вилочковой железе, нет, показалось. А нет, не показалось: крохотная-крохотная опухоль, только не доживет он до того момента, когда опухоль заявит о себе, – он раньше в самолете разобьется...

– Ну, нет, я вам тут всё на блюдечке выкладывать не обязан...

Пожимаю плечами, не обязан так не обязан, на нет и суда нет. Посетитель с гордым видом встает, собирается уходить, вижу, как вздрагивает его рука, когда он отодвигает стул.

Замирает на пороге кабинета.

Замок у нас один пропал.

Поднимаю глаза:

– В смысле?

– В смысле. Замок пропал. Который снимали. Замкобургский чертог недалеко от Таймбурга.

Осторожно откашливаюсь:

– То есть... я так понимаю... по документам значится замок... а на самом деле его нет?

– Да нет же, в том-то и дело, что был он, мы в нем уже половину сезона отсняли...

А теперь хватились, бац – замка нету. Как корова языком слизнула. Пришли утром, а там ровное место... и всё.

Осторожно предполагаю:

– Снесли?

– Да нет же, если бы снесли, тут бы обломки были, подвальная часть опять же осталась бы... а тут ничего. Пустырь. Мы специально в земле порылись, ничего нет, ни-че-го. Вы понимаете, дело-то какое, мы уже половину отсняли... замок-то менять теперь не получится...

Смотрю на режиссера. Как следует. Нет, он тут не при чем, сам до смерти напуган, не знает, куда деваться, что делать, сам готов душу дьяволу за этот замок продать...

- Ну... мне надо осмотреть место преступления. И поговорить там... со всеми.
- А без проблем, можем хоть сегодня выехать... – Ценский видит мою кислую мину, добавляет: – расходы на себя беру, вы не волнуйтесь даже...

Оглядываю длинные ряды гримерок, ловлю мысли проходящей мимо актрисульки, ничего серьезного, какие-то амурные темы, почему, ну почему он не позвонил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.